

WARHAMMER
40,000

УЧАСТЬ ВЕДЬМЫ

Гай Хейли

*Данный материал является интеллектуальной собственностью
telegram-канала Гильдии Переводчиков*

<https://t.me/guildwh40k>

При его дублировании вы обязаны указать источник перевода

УЧАСТЬ ВЕДЬМЫ

ГАЙ ХЕЙЛИ

Переводчик – Антон Акимкин

Ростов молился, когда лорд Дир пришел за ним.

Молитва перед допросом вошла в привычку. Стала необходимостью. Это было нечто большее, чем общение с безмолвным богом. Ему был приятен холод камней под коленями и лбом, и даже дискомфорт от коленопреклоненного положения тела. Объятия боли помогали удержаться в собственном теле. И когда его душа подвергалась риску осквернения, именно они связывали его с реальным миром. Вместе с пониманием того, что боль никуда не денется и будет присутствовать даже тогда, когда всё закончится.

Молитва очищала.

Он говорил быстро и тихо, а в руке сжимал свисающую с розария подвеску, края которой впились в его ладонь.

— О, Император, хранитель человечества, храни меня, пока я исполняю свой долг перед тобой, — прошептал Ростов. Холодный, влажный воздух, потревоженный словами, касался лица. — О, Император, храни меня на моем пути и призвании, дабы я невольно не погряз во тьме, но всегда пребывал в твоём свете.

Такие молитвы более подходили священнику, чем инквизитору, но он не считал их проявлением слабости. Ему требовались все доступные силы.

Дверь в часовню должна была скрипнуть. Умышленный изъян. Даже на собственных судах инквизиторы не ослабляли бдительность, но тем не менее, лорд-инквизитор Дир умудрился войти беззвучно. Ростов узнал о

его присутствии только тогда, когда почувствовал мягкое прикосновение к своей руке.

— Леонид, пора, — произнес Дир.

Ростов прекратил молиться и глубоко вдохнул запах свечного воска и застаревшей крови. От молитвы губы пересохли, и он облизнул их кончиком языка.

— Готов? — спросил Дир.

— Моя душа под защитой, — ответил Ростов.

Инквизитор поднялся на колени и поклонился статуе Императора на алтаре. Она была вырезана из дерева и покрыта позолотой. Хорошая работа, хотя от времени дерево потрескалось, а позолота на фигуре и троне местами осыпалась. Лицо мертвеца, недвижимое и молчаливое, гневно смотрело на Ростова. Это был взгляд смерти. Дир не строил иллюзий насчет своих обязанностей или повелителя. И то, что он выбрал именно эту статую, являлось тому наглядным подтверждением.

— Он хранит нас, — промолвил Ростов и поднял взгляд на своего наставника. — Его воля даёт мне силы.

Слабая улыбка осветила постаревшее лицо Дира. Его кожа была тонкой, почти прозрачной. Он всегда так выглядел — во всяком случае, те двадцать лет, на протяжении которых Ростов служил ему. Старому инквизитору было по меньшей мере лет сто.

— Отрадно слышать, что твоя вера крепка, — Дир протянул руку ученику.

Ростов схватился за неё, и инквизитор помог ему встать. Выпрямившись, Ростов оказался на голову выше Дира. Лорд-инквизитор казался хрупким и дряхлым, хотя в нём еще чувствовалась настоящая физическая сила.

— Эта ведьма — самое опасное существо, которое я когда-либо поручал тебе допросить, сын мой, — произнес Дир. Они не являлись родственниками, но поскольку были очень близки, то лорд-инквизитор мог позволить себе так обращаться к Ростову. — Риск довольно высок из-за её дара предвидения. По шкале опасности она как минимум на уровне «Гамма». Поэтому я спрашиваю тебя снова: ты готов?

— Я готов, инквизитор Дир. — Ростов убрал розарий под одежду. Пока он надевал перчатки, на его ладони промелькнули кровоподтеки в тех местах, где края трона Императора повредили кожу. — У нас есть выбор?

— Сын мой, — произнес Дир. Он коснулся щеки Ростова. Ладонь была теплой и мягкой, хотя на пальцах ощущались мозоли человека, привычного и к перу, и к мечу. — Выбор есть всегда. Можно попробовать по-другому.

— Охотно выберу именно этот вариант.

— Ты поступаешь правильно, — Дир кивнул и улыбнулся. — Ты готов покинуть меня. Тебе следует работать самостоятельно, собрать собственную команду.

— Еще несколько лет, — сказал Ростов.

— Посмотрим, — ответил Дир. Он ласково похлопал ученика и убрал руку. — Сакви — сильна. Опасайся ее способностей. Она попытается навести на тебя порчу, а если не удастся — уничтожить.

— Понимаю, — Ростов подошел к креслу, где лежало его оружие и верхняя одежда. От холода каменного пола босые ступни оковенели, но он оставил носки и ботинки напоследок. — Я уже касался ее разума, — он надел куртку поверх рубашки и застегнулся. — Предполагаю, она готова?

— Антониато уже пытал ее.

Ростов посмотрел на Диру через плечо.

— «Размягчал» для меня?

— По большей части это была неудачная попытка напугать ее, — ответил Дир. — Боюсь, основная тяжесть допроса ляжет на твои плечи. В ее разуме скрыто местоположение артефакта и путь из крепости леди Кандор Эстрелл. Должно быть, Сакви постоянно навещала и консультировала Эстрелл. Если мы не сможем сломить ее... — Дир пожал плечами и втянул руки в рукава одеяния. Он часто жаловался Ростову, что переносит холод гораздо хуже, чем раньше. Слова, в которые Ростов поверил только недавно. — Придется искать другой путь.

— Нам нужен артефакт. Я отдаю себе отчет в опасности и добровольно принимаю ее.

Ростов надел пояс с оружием.

— Совещаться с псайкером уровня Сакви — уже само по себе преступление, даже для Верховной леди шпиля. Мы могли бы прижать ее.

— Тогда мы потеряем артефакт, и тот, кому помогает Эстрелл, скроется. Лорд-инквизитор, я не боюсь. Это была проверка?

Дир кивнул.

— Да, прости.

— Забота о товарище не грех, милорд, — ответил Ростов.

— Это может быть слабостью. К которой я становлюсь все более склонен с годами.

Ростов накинул плащ. Он нагнулся и поцеловал учителя в обе щеки. Дыхание старого инквизитора было сладковатым. В нем чувствовался слабый аромат орехов кэрю, которые тот обычно жевал и соком которых были испачканы его губы.

— Мы все должны исполнить свой долг, — сказал Ростов. — Я выполню свой, вне зависимости от цены, которую придется заплатить, как вы меня всегда учили. Да восславится Он на Terre.

Банча, Чилч и Физермент стояли на посту у камеры, в которой содержалась ведьма. Острие оголённого меча Банчи было упёрто в пол, а её ладони покоились на навершии. Маленькая ксенос Чилч, сидящая на полу и с мрачным видом вырезающая что-то на куске кости, даже не подняла глаз. Физермент поприветствовал Ростова легким кивком головы. Банча свободной рукой отметила его появление жестом мыслезнака. С тех пор, как Сестра Безмолвия вошла в свиту Дира, она сменила доспех своего ордена на обычное одеяние наемника, хотя и продолжала носить высокий воротник, закрывающий шрамы, которые изуродовали левую половину лица и горло. Травмы были серьезны. Использование языка жестов стало для нее не просто добровольным выбором, а необходимостью.

Физермент ссутулился, устав от того, что длительное время находился в присутствии нуль-девы.

— Проблемы с заключенной?

— Никак нет, милорд, — ответил Физермент и перехватил лазружье поудобнее. Он был вооружен до зубов и облачен в черный инквизиторский панцирный доспех, в котором совершенно не смотрелся. Физермент был талантливым хакером, но не солдатом. — Шанса не предоставилось.

— Банча, — сказал Ростов. Отсутствие ее психического поля ощущалось им как всасывающая пустота. Банча была отчетливо различима, в отличие от подобных ей сестер, но смотреть на нее было больно. Посмотрев ей в глаза он почувствовал подступающую к горлу тошноту. — Тебе следует уйти. Мне нужно будет воспользоваться своими способностями.

Банча кивнула. <Она несколько раз пыталась пробить защиту, — ответила Банча с помощью мыслезнака. — Ведьма сильна. Будь осторожен, Леонид>.

— Лорд Дир считает так же. Я не буду рисковать больше, чем необходимо для получения информации.

<Опасность велика>.

— Я готов к ней. Теперь ступай.

Банча закинула меч на плечи, вынудив Физермента нахмуриться, поскольку тому пришлось уворачиваться от клинка.

<Удачи>.

С её уходом давление на сознание Ростова ослабло. Физермент поёжился и немного выпрямился. Он подождал, пока инквизитор придет в себя, и отошел от двери.

Вход представлял собой ряд колец, покрытых защитными рунами, с анализатором крови по центру. Ростов поднес руку в перчатке и нажал на выступающий шип. Духи машины считали данные и предоставили доступ. Кольца завертелись, и перед тем как скрыться в полу, разблокировали дверной механизм. По ту сторону показался короткий лестничный пролет, ведущий вниз.

— Когда я закончу, Фо-лу поможет тебе. Иди отдыхай. Нелегко находиться рядом с таким сильным псайкером.

— Находиться рядом с Банчей еще тяжелее. Но спасибо, милорд.

— Согласен.

Ростов спустился в камеру. Внутри было очень жарко и ощущался запах антисептиков. В голой пластали отражался приглушенный люминесцент. На стенах лестничного пролета были выбиты три группы охраняющих символов. Ступеньки вибрировали от работы психоподавляющих механизмов.

Антониато, облаченный с ног до головы в поношенное пластековое облачение, отключал генератор импульсов. В камерах, в роли дознавателя он выглядит совсем по-другому, подумал Ростов. В бою Антониато проявлял себя как опытный ветеран. Беззаботность граничила с дерзостью. Казалось, что он ведет себя легкомысленно, хотя так бывало очень редко. В камерах он был воплощением трезвости, — казалось, он мог бы легко вписаться в пыточную любого инквизитора. Пытая людей он не испытывал наслаждения. Ростов чувствовал это, когда они работали вместе, поскольку в моменты допроса подследственных его способности полностью раскрывались, но у Антониато вызывали любопытство боль и воздействие, которое она оказывает. Наблюдение за двумя такими разными личностями в одном человеке служило для Ростова постоянным напоминанием, что вне зависимости от того, какими они кажутся снаружи, простых людей нет.

Ведьма, одетая в рубище кающегося, вся в поту, была прикована к кресту в центре комнаты. У неё были необычайно длинные волосы. На коже виднелись небольшие, аккуратные ожоги — следы импульсного генератора. Она не выказывала ни унижения, которое могла бы испытывать в данных обстоятельствах, ни страданий от пытки.

Скорее, наоборот. Она следила за Ростовым недобрым взглядом и всем своим видом демонстрировала такое высокомерие, будто была одета в лучшие одеяния, какие только могла купить за деньги.

— Итак, ты здесь, — произнесла ведьма. — Инквизитор собственной персоной. Я почувствовала, что эта нуль-сучка ушла, и это послужило предостережением.

Ростов вслушивался скорее в то, как она говорит, нежели в смысл слов. Её ругательства звучали нарочито, но за бравадой скрывалась храбрость. С ней будет непросто.

Антониато закончил протирать алкоголем импульсный генератор и убрал устройство в глубокий шкафчик, выступающий из стены. Ростов, не обращая внимания на ведьму, подошел к поддону с отполированными и готовыми для работы крючковатыми и остро заточенными инструментами.

Он почувствовал сожаление при виде орудий пыток, зная, что придется их применить. Она уловила его мысли и фыркнула.

— Слабак. А я-то полагала, что ты такой же, как я.

Инквизитор поднял мускульный сепаратор с плоским концом и внимательно посмотрел на него. Такая тщательность в изготовлении: вес, украшения, края. Ему стало тошно. Он жил в эпоху, когда способности человечества направлялись на мерзкие поступки. Ростов собрал всю волю, чтобы унять дрожь в руках. Сепаратор лязгнул о поддон, когда инквизитор положил его обратно. Всё это — часть представления.

Ростов повернулся к женщине.

— Ты подобен мне, — произнесла ведьма. В ее голосе слышалось удивление.

— Я совсем не похож на тебя. — Инквизитор подошел к ней. Прикованная к кресту ведьма, хотя и возвышалась над ним, была небольшого роста. Хорошо сложена, но ничего примечательного. Душа — вот то место, где порча всегда пускала корни, и это было скрыто ото всех, за исключением тех немногих, кто мог видеть. — Да, мы с тобой люди. Да, мы с тобой псайкеры. В этом ты права. — Ростов снял одну перчатку, затем вторую. — Но я орудие Императора, — инквизитор, и я действую во имя Его, в то время, как ты... — Он нарочно улыбнулся. — Ничто.

— Я сильнее тебя, — произнесла она. — В нас обоих присутствует мощь варпа, но тебя она сделала рабом. Я свободна.

— Твои хозяева хуже моего, — ответил Ростов.

Она издала глухой гортанный звук.

— Мои, по крайней мере, не лгут мне. Я — провидица. Судьба — моя госпожа, и она никогда не ошибается. Скажи мне, инквизитор, ты хочешь узнать как умрешь?

Ростов покачал головой. Выражение его лица выражало неодобрение. Он предостерегающе поднял палец.

— До этого ты производила на меня впечатление. Пока не скатилась к клише. Ты знаешь, сколько раз я слышал точно такие же слова из уст разных колдунов?

— Мне все равно. Прошрое меня не интересует, только грядущее.

— Полагаю, ты знала, что это должно было случиться? И что я собираюсь с тобой сделать?

Она посмотрела на него, но теперь Ростову показалось, что он заметил проблеск страха.

— Ты не можешь видеть всего, — сказал Ростов. Он стал прохаживаться взад-вперед перед ведьмой. — Наши дары — непостоянны.

— Пытка не заставит меня говорить.

— Я здесь не для того, чтобы истязать тебя. Это редко работает.

— Я сказала тебе все, что знаю.

Ростов остановился.

— Это неправда. Я обладаю тремя способностями: во-первых, могу незаметно передвигаться; во-вторых, понимаю, когда мне лгут — мне достаточно одного взгляда, чтобы оценить, насколько чиста душа. Твоя — гнилая.

— Ты когда-нибудь обращал свой взор в варп, инквизитор? Я обращала. Думаешь напугать меня? Я видела достаточно правды, чтобы понимать, что у всего есть начало и конец. Наша вселенная обречена. Мне не остаётся ничего, кроме как пытаться выживать как можно дольше.

— Само твоё существование есть грех перед ликом Императора.

Антониато копался в инструментах, выбирая на своё усмотрение наиболее подходящие для допроса первого уровня. Указания Ростова ему уже не требовались.

— Итак, моя вина заключается в самом существовании?

— Никто в этом не повинен. Ты виновна в неуплате десятины, в том, что скрываешь и применяешь свои способности. Ты виновна, потому что не пытаешься быть полезной, но теперь польза от тебя будет.

Он взял стул в дальнем конце камеры, развернул и сел, положив руки на спинку. Когда он приступит к допросу, ему потребуется опора, а показное спокойствие было частью представления.

— Ты была в башне леди Кандор Эстрелл, в лабиринте, где она хранит коллекцию запрещенных ксеноартефактов. Замеряла их психометрические показатели. Ты также регулярно оказывала ей услуги

гадалки. Ты знаешь, как можно тайком пробраться и покинуть башню. Скажи нам, как. Ты ничем не обязана Эстрелл.

Сакви улыбнулась.

— Всю жизнь меня преследовали и избегали. Меня и раньше пытали, оскорбляли и обманывали. Эстрелл честно расплатилась со мной. Я не клялась ей в преданности, но тебе я обязана ещё меньшим. Почему я должна что-то рассказывать тебе?

— Потому, что это избавит тебя от боли, — произнес Ростов.

Ведьма глубоко вздохнула и откинула голову назад.

— Боль? Жизнь есть боль. Если я скажу тебе, ты казнишь меня или отправишь на Чёрные Корабли, которые доставят меня на Терру, где я встречу конец, как и другие, подобные мне. В своих видениях я узрела то, что должно произойти. Поэтому я убегая. Я не стану кормом богов. Лучше я умру здесь.

— Ты можешь служить, как я.

— Я не хочу служить Ему и я ничего не скажу тебе. Отпусти меня. Не причиняй мне зла. Я же вижу, что ты не хочешь делать мне больно.

— Не хочу, но придётся, — искренне ответил Ростов. Он помолчал. — Я не рассказал тебе о моей третьей способности. — Инквизитор подал знак Антониато, и тот приблизился с мрачным видом, неся в руках поддон с орудиями пыток. — Я могу получить доступ к разуму человека, но этому человеку должно быть больно. Боль открывает все двери, которые они захотят запереть.

Взгляд ведьмы остановился на поддоне с ножами, устрашающего вида ложкообразными сверлами и крючками.

— Их страдания становятся окном, через которое я вижу всё, — добавил Ростов.

— В таком случае, ты должен ощущать эту боль.

— Так и есть, — признал инквизитор. — Поэтому причины, по которым я не хочу делать тебе больно, только отчасти обусловлены моими добрыми намерениями. Итак, что ты скажешь, если мы сейчас же прекратим это, и ты мне сообщишь всё, что нам нужно знать?

По её взгляду было понятно, что она готова выдать секрет. Часто его небольшого представления было достаточно, чтобы даже самые стойкие из подозреваемых начинали признаваться и молить о прощении. Она ничего не получила от сокрытия информации и достаточно настрадалась. Он надеялся, что она заговорит. Этого он желал. Он имел в виду именно это, когда говорил, что не желает причинять ей боль.

Ведьма долго смотрела на инструменты, после чего отвела взгляд и посмотрела ему в глаза.

— Нет, — был решительный ответ.

Ростов подозвал Антониато ближе.

— Тогда, к моему сожалению, нам придется начать.

— Интересно, что в итоге произойдет, когда наши дары столкнутся? — произнесла она, пока Антониато приближался к кресту. Она пыталась быть храброй. Её тело напряглось в ожидании того, что должно было произойти.

— В этом мы и отличаемся. Свои способности ты воспринимаешь как дар.

Антониато поставил поддон на складной металлический стол и взял в руку скальпель. Если демонстрация орудий пыток не работает, возможно, стоит пролить немного крови.

Ростов закрыл глаза и сфокусировался, формируя перед мысленным взором образ Сакви и пытаясь построить модель её желаний и страхов. С этого он обычно начинал — с простых психологических уловок. Он не приступал к извлечению информации до тех пор, пока допрашиваемый не чувствовал боль.

Он был рад, что не видел, хотя и почувствовал, первый надрез. Горячий, рассекающий разрез на плече около подмышки, где кожа была особенно чувствительной. Он услышал сдавленный крик Сакви, и ее пылающая душа вдруг предстала перед его внутренним взором подобно солнцу, показавшемуся из-за горизонта.

Инквизитор выровнял дыхание, принимая боль, которую разделял с ведьмой, пока Антониато резал снова и снова, оставляя на её коже кровавые узоры.

Ростов чувствовал, что поднимается и затем резко движется вперед по направлению к сияющему контуру своей жертвы и дальше внутрь нее.

Раздался резкий треск лазерного оружия, и тело упало на землю.

— Это ловушка, — прокричал Физермент.

Ростов безотчетно вздохнул и открыл глаза. Отовсюду доносились сигналы тревоги. На мгновение он перестал понимать, где находится. Потом увидел собственную окровавленную руку, сжимающую ладонь инквизитора Дира. Старик лежал на полу. После попадания мощного лазерного луча его грудь превратилась в обожжённое месиво.

Он вспомнил. Артефакт. Постамент. Мина-ловушка.

— Трон отвернулся от нас, что нам теперь делать?! Что нам теперь делать?! — бормотал Физермент.

Чилч находилась рядом с локтем Ростова, зажимая рану Дира своей широкой нечеловеческой рукой.

— Леонид, — прохрипел Дир.

— Они идут! — закричал Фо-лу. Он и Банча появились у входа в комнату, перестреливаясь с персональной охраной леди Эстрелл. Рубиновые и голубые лазерные лучи рикошетили от поверхности из невзрачного черного камня.

— Проклятье, проклятье! — вскрикнул Антониато. Он поднял плазмоган и активировал режим заряда энергии. Катушки линейного ускорителя засветились. — Забирайте устройство! Надо убираться отсюда.

Физермент стоял на коленях у постамента. Из ствола короткоствольного лазружья у него на боку все еще поднимался разогретый воздух. У его ног лежал открытый портативный когитатор с проводами, подключенными к открытой панели. Артефакт парил над постаментом, удерживаемый в воздухе антигравитационным полем. Тусклый куб металла шириной в два фута. Ничем не примечательный, за исключением идеально вырезанного по центру желоба и картуша чужаков на одной грани.

— Леонид, — прошептал Дир. Его голос был настолько тихим, что Ростову пришлось наклониться, чтобы его услышать. — Уводи их, Леонид.

— Да разберись ты с этой проклятой штуковиной, — прокричал Антониато. Он перекатился по полу, заняв позицию в дверном проеме, и обрушил на врагов всю мощь плазмогана. Ревущий столб слепящего света пронёсся по коридору. Отведённое тепло с катушек повысило температуру в комнате на пол-градуса. Обратная волна тепла от разряда плазмы, достигшего цели, прошла по помещению, принеся с собой запах испаренного камня, металла и плоти. Антониато отключил плазмоган и перекатился обратно. Над его головой затрещали лазерные лучи.

— Я не могу его обезвредить! — крик Физермента прорвался сквозь шум боя. Он смотрел на крошечный дисплей, обхватив руками голову.

— Разберись с этим! — произнес Антониато. Он возился с настройками плазмогана, готовя оружие к новому выстрелу.

— Джерен, Джерен, не умирай. Ты не можешь умереть! — воскликнула Чилч, приблизив своё рыбье лицо к Диру.

— Это я втянул нас во всё это, — сказал Ростов.

— Я пошёл добровольно, зная, чем всё может обернуться, — прохрипел Дир. — Выводи их.

— Учитель...

Глаза старого инквизитора закрылись.

— Учитель!

— Он мертв. Он мертв! — зарыдала Чилч.

Со спины Ростова донеслась стрельба. Фо-лу ругался на своём грубом арго все громче с каждым выстрелом. Короткая передышка от залпа плазмогана Антониато закончилась. Всё больше и больше людей леди Эстрелл приближались к их позиции. Они были облачены в черную униформу с элементами пластинчатого доспеха и прочные шлемы с визорами. Их обмундирование не очень-то отличалось от того, что носила команда инквизитора. Человечество затрачивало огромное количество ресурсов, воюя само с собой.

Ростов поднялся.

— У меня не получается, — сказал Физермент. — Ловушка, ловушка. Устройство, вероятно, подделка.

— Это может быть проклятой ловушкой, но артефакт здесь! Он существует! — крикнул в ответ Антониато. Послышался звуковой сигнал плазмогана, который закончил накапливать заряд. Не теряя времени, Антониато высунулся в проем, чтобы выстрелить, но световой шторм от лазерных разрядов заставил его отпрянуть.

— Хорус меня побери! — выругался Антониато. — Их все больше с каждой секундой.

Чилч издала пронзительный, чуждый человеческому уху звук.

— Хватит паниковать! — ответил Ростов. — Дир бы не попался на эту наживку. Артефакт существует. Физермент, сконцентрируйся.

— Хорошо, хорошо! — тот согнулся над когитатором, вздрагивая от пролетающих над головой лазвыстрелов.

Чилч, сидя около тела Дира, терла лицо. Ростов потянул её за плечо.

— Уходим, оставь его!

Он помог ей подняться.

Раздался резкий треск. Артефакт, появившись в воздухе, ударился о постамент и упал на пол с глухим звуком. Угол куба приземлился на каменную плитку, и артефакт замер, так и держась в пространстве.

— Готово, — выдохнул Физермент. — Похож на настоящий.

— Чилч! — Ростов подтолкнул её к артефакту. — Убери его в ранец.

Чилч сняла со спины компактный ранец и развязала его. Внизу ранца располагался ряд подвесок, и она быстро нажала несколько для активации. Прикрывая ее, Антониато сделал еще выстрел, а Фо-лу повысил темп стрельбы. Чилч возилась долго, и Ростов подошёл помочь. Устройство было невероятно тяжелым. Гораздо тяжелее, чем он ожидал.

— Сможешь унести? — спросил инквизитор у ксеноса.

— Прикройте меня, — ответила Чилч. Ростов помог ей поднять ранец на спину. Она что-то нечленораздельно проворчала под весом артефакта.

— Надо уходить. Сейчас же.

В комнате было три выхода. Тот, через который они пришли, был перекрыт солдатами. Два других вели вглубь лабиринта леди Эстрелл.

— Его тело... — Взгляд огромных глаз ксеноса метнулся к мертвому Диру.

— Оставим здесь. Пусть знают, кого убили, и боятся последствий. Инквизиция не оставит это безнаказанным, — ответил Ростов. — Тело не имеет значения, а его душа — с Императором.

Ростов перевёл взгляд от одного выхода к другому.

— Сюда, — сказал он, указывая на левый.

— Откуда ты знаешь? — спросила Чилч.

— Император направляет нас. Мы уходим.

Банча покинула укрытие, отстреливаясь из лазпистолета. Следующим пошел Антониато. Команда собралась у выхода.

— Фо-лу! — позвал Физермент.

Житель улья покрутил головой. Его зеленый ирокез остался неподвижен.

— Уходите. Кто-то должен выиграть время. Я устал от жизни. Это вполне себе способ все закончить.

Он поднял оружие и дал очередь в полдюжины выстрелов.

Ростов кивнул и взмахом руки приказал остальным уходить в темноту.

— Прощальный подарок, — сказал Антониато, швыряя осколочную гранату в коридор. Фо-лу отпрянул назад. Взрывной волной в комнату внесло мусор и лоскутки окровавленной ткани.

— Да пребудет с тобой Император, — произнес Ростов.

— Как скажешь, — ответил Фо-лу, стреляя снова. — Это было весело. Ступай!

Ростов шагнул во тьму и выбежал в знакомые коридоры в другом месте. Кафедральный собор всегда казался ему безопасным, но разум десятилетнего мальчика слишком поздно понял, что это клетка. Звук шагов преследовал его. Мальчик попытался забиться в щель, куда мог пролезть только он, и где никто не мог его обнаружить. Но охотники нашли его.

Он заскулил. Преследователи были донельзя пугающими призраками с лицами из металла и страшным оружием.

Горячий разрез болел на его груди. На груди ведьмы.

— Здесь это произошло, — сказала ведьма Сакви. — Место, в котором твою жизнь украли и заставили тебя служить. Не похоже, чтобы ты был слишком счастлив от происходящего.

Ростов не мог ответить. Когда он забился в темный угол, зная, что его могут схватить, его детское лицо перекосилось от ужаса, а по щекам текли беззвучные слезы. Он отшатнулся, чувствуя, как его дух переплетается с духом ведьмы подобно объятиям двух влюбленных. Он чувствовал её страх вкуче с болью, несмотря на её сопротивление.

Она наслаждалась, видя этот мучительный момент из его прошлого. «Видишь, — думала она, — мы одинаковы».

Сцена в соборе накренилась и ушла вниз. Он видел себя сверху. Женщина в доспехе с обнаженным мечом пришла за ним. С её пояса свешиваются оковы. С каждой стороны приближалось по священнику с суровым лицом. Свет их ламп мелькал в тенях часовни, рассеивая темноту и танцуя над лицами статуй до того неизбежного момента, как он осветил его лицо, бледное, как у загнанного в угол призрака. Он был похож на одного из этих каменных святых. Они же видели в нём дьявола.

Они ринулись к нему. Мальчик громко закричал, зовя маму. Это был последний момент слабости, который он себе позволил. Раздражённый, он заставил воспоминания уйти.

Прошрое спиралью уносилось во тьму.

— Сдавайся, — сказал он. — Расскажи, что я хочу, и мы остановимся.

— Нет, — произнесла ведьма. — Всё, что я могу — это сопротивляться тебе.

— Это может закончиться.

— Всё кончено, — сказала она. — Я умру здесь, но если мне суждено быть поверженной, то и тебе тоже.

Из темноты перед ним возник витраж с искривленными и искажающими реальность углами. Витраж изображал Императора в виде свирепого, злобного бога. Ростов разнес изображение. Стекло разлеталось на части замедленно, кусочки цветного изображения вращались в темноте с величием галактик. Ведьма засмеялась.

— О, хрупкая вера.

Его ноги вдруг очутились на полу, покрытом ковром. Ведьма стояла рядом, облаченная в роскошные одеяния. От её великолепия захватывало дух.

— Моя очередь, — сказала она.

Воздух был спертый, — слишком теплый, слишком плотный, слишком насыщенный запахом тел и парфюма.

— Дом удовольствий, в котором я выросла.

Нечленораздельные звуки плотских наслаждений доносились из-за бумажных и деревянных перегородок. Освещённые фигуры извивались в непристойных играх.

Его реакция выдала его.

Она приподняла бровь.

— Такой маленький примерный церковный мальчуган, даже после всего, что они с тобой сделали. Не надо смотреть так потрясенно. Я была предсказательницей и не более. Дополнительное развлечение для этих похотливых людишек.

Раздвижная дверь с громким звуком отъехала в сторону. Краснолицый посетитель выскочил из комнаты, залитой светом свечей. Он громко звал хозяйку заведения, жестикулируя так отчаянно, что пробил рукой бумажную стену.

Хозяйка появилась настолько быстро, насколько позволило её пышное облачение. Ему предложили вино и женщину. Казалось, он немного успокоился. За дверью, глядя немигающим взглядом подведенных карих глаз, молодая предсказательница ожидала своей участи, которую уже видела ранее.

— Это была хорошая жизнь в суровом мире — до тех пор, пока я не сказала слишком много правды. Вот этот... — Сакви показала на кричащего мужчину. — Он беспокоился, что его молодая жена ему изменяет. Я сказала ему, что так и есть, и вдобавок — что у неё три любовника. Ирония в том, что узнав о её изменах будучи посетителем борделя несколько не ослабило его гнев.

Ростов сконцентрировался, пытаясь пробиться сквозь иллюзию. Нужное ему находилось где-то в разуме ведьмы. Дом удовольствий задрожал. Призрак ведьмы пристально посмотрел на него.

— Ага, — сказала она. — Ну уж нет.

Здание исчезло в холодном ветре, уступив место зимней улице со снежинками, безумно танцующими между высоких зданий, типичных для цивилизованного мира. Из окон лился теплый свет, но юная Сакви дрожала от холода. На ней было толстое пальто поверх старой одежды, из которой она выросла. Это тряпье совсем не защищало от холода.

— Я выросла на улицах, — сказала она. — Едва выжила.

Молодая ведьма замерла на месте, наклонив голову, будто прислушиваясь к музыке вдалеке. Она нырнула в открытые двери вестибюля жилого блока за мгновение до того, как группа пьяных солдат завернула за угол, крича на женщин и заставляя их поторапливаться.

— Я бы не выжила без моего дара, — сказала она.

— Мы прокляты, — ответил Ростов.

— Моё проклятие сохранило мне жизнь.

Ярость захлестнула инквизитора. Было непонятно, чья она; его или её.

— Участь ведьмы — смерть.

— Мы все умрем! — ответила она. — И не надо говорить мне, что лучше умереть в служении, чем жить во грехе. Жизнь — всё, что у нас есть. Это единственное, чем мы обладаем, и даже Император хочет жить. В этом отношении он не лучше ксеноса или еретика.

Сцена изменилась. Девочка была худенькой и болезненной. Вместе с другими детьми, сбившимися в кучу, она грелась у огня, горящего в половине бочки, в то время как воздушные суда арбитров кружили над

городом, прочесывая улицы ярким огнем прожекторов. Издалека ветер доносил звуки выстрелов.

— Надеешься сломать меня страданием, — сказала она. — Не получится. Страдание — это всё, что я когда-либо знала.

Картины перекошенных злобных лиц, оружия, голода и боли нахлынули на инквизитора. Это были его собственные воспоминания. Они промелькнули и исчезли. Вот он, стоящий на коленях в холодной воде, обнажённый по пояс. Мрачный приор стегает его узловатым кнутом. Он вспомнил, как сдерживал крик, как сжимал зубы, чтобы не показать слабость.

— Это же не Чёрный Корабль? — спросила она.

— Нет, это Терра, — ответил Ростов.

— Покажи корабли. Покажи мне, чтобы я убедилась, что поступила правильно, скрываясь от них.

Она давила на него, скользкие касания её разума зондировали его мысли и воспоминания. Ощущение было отталкивающим и одновременно несло утешение. Он редко был с кем-то настолько близок.

— Ты один из нас, — сказала она. — Хранишь важные воспоминания подальше, потому что они приносят боль. Понимаю. Ага! Похоже, нашла.

Трюмы Чёрного Корабля вторглись в сознание, почти подавив воспоминания о наказании. Ростов почувствовал нарастающий панический страх. Он не мог позволить себе вернуться в тот долгий перелет, постоянно сопровождаемый глубочайшим страхом, давящим ощущением других страдающих душ рядом и ужасными тварями, которые царапали края поля Геллера и желали полакомиться, — всеми теми ужасами, что ему довелось пережить. Запястья болели от надетых кандалов, выкованных специально для него. Уже тогда они видели его силу.

— Нет, — твёрдо сказал он. Изображение корабля пропало, и порка продолжилась.

Ростов смог выпутаться из ментальной хватки ведьмы и немного пришёл в себя, находясь где-то между разумом и телом. Состояние было ужасным; тело пульсировало фантомной болью, разделённой с истязаемой ведьмой. Он был уверен, что на теле останутся стигматы.

— Ещё, — прохрипел инквизитор. Его рубашка промокла от пота.

Антониато с беспокойством посмотрел на него. Руки экзекутора до локтей были настолько ярко-красными от крови, что скальпель, который он держал, казался продолжением руки.

— Милорд, вы уверены?

— Ещё!

Ведьма висела в цепях. Вся в крови. В ужасном состоянии, с вырезанными кусками кожи. Но её глаза пылали.

Пальцы Антониато порхали над подносом с инструментами. Он выбрал мускульный сепаратор с плоским концом, который Ростов рассматривал ранее, и, немного помешкав, вонзил его между оголенными мускулами на ведьминой руке.

Сакви и Ростов закричали вместе. Перед взором инквизитора появился...

...поворот

— Сюда, — сказал он, сворачивая в ответвление туннеля. Они бежали минут пять. Сигнал тревоги затих, и преследователей не было видно.

— Уверен? — спросил Физермент, заметно нервничая.

— Не задавай вопросов инквизитору, — сказал Антониато.

— Да, сюда, — уверенно ответил Ростов. Всего через несколько ярдов от комнаты с артефактом отполированный камень, покрывавший стены, сменился обнаженным металлом, и лабиринт приобрёл грубый, прозаичный вид исправительного учреждения. Команда бежала трусцой. Освещения не было, поэтому им приходилось полагаться только на свои фонари, свет которых выхватывал из темноты пятна ржавчины и окисленные заклепки.

— Как ты, Чилч? — спросил Ростов.

— Эта штука не слишком тяжёлая, — ответила маленький ксенос. Несмотря на свои короткие ножки и странную ковыляющую походку, она бежала наравне со всеми. — Ну, я соврала. По правде говоря, она очень тяжёлая, но я держусь.

— Сожалею о Дире. Знаю, ты...

— Ничего ты не знаешь. Не начинай, — ответила Чилч, обгоняя инквизитора.

Они миновали несколько больших комнат со множеством проходов. Прежде чем группа двинулась дальше, Физермент с выражением явного страха на лице сканировал каждую комнату. «Чисто!» — выкрикивал он.

Ростов выбирал проход, и они продолжали движение. Его интуиция работала безупречно до тех пор, пока они не добрались до одной из комнат, и Физермент остановился, чтобы проверить помещение.

— Чис...

Он не закончил. Пол под ногами раскрылся, и он исчез из виду, провалившись в черную квадратную яму. Физермент кричал на всем протяжении полета. Ростов рванулся к яме, но смог увидеть только отблески света, прежде чем фонарь исчез во тьме. Вопли прекратились, но звук тела, бьющегося о стены ямы, был слышен отчетливо.

— Дерьмо, — раздался голос Чилч. — Вот дерьмо!

— Здесь безопасно? — спросил Антониато. Он повернулся из стороны в сторону, освещая помещение фонарем, закреплённым на плече. Комната была в несколько раз шире коридора. — Это единственная ловушка?

— Не знаю, — ответил Ростов.

— Это катастрофа, — произнесла Чилч. — Мы все погибнем.

Антониато отстегнул от пояса фляжку и бросил ее по полу. Проскользив по поверхности, она остановилась, вращаясь на одном месте.

— Похоже, безопасно, — сказал он, делая шаг вперед.

Банча внезапно схватила его за локоть. Она покачала головой.

Пол комнаты, лязгая и гремя, провалился вниз.

— Судя по звуку, он достиг дна улья! — раздался голос Чилч.

— Придётся возвращаться, — сказал Антониато. Он, Чилч и Банча обернулись к Ростову, ожидая дальнейших указаний.

<Куда дальше, инквизитор?> — спросила Банча. Пальцы ее рук тускло блестели в темноте.

Ростов не знал. Он ошибался, заводя команду все дальше в лабиринт. Это была ловушка в ловушке. Последняя месть ведьмы. Он проиграл.

Но они рассчитывали на него. Теперь он их лидер.

— Назад в последнюю комнату, первый выход налево, — произнес Ростов с наигранной уверенностью. Эти слова приободрили их и придали сил. Они бодро двинулись вперед, хотя Чилч периодически продолжала оглядываться назад.

— Дерьмо, — произнесла она.

Зайдя в указанный Ростовым проход, они очутились в тоннеле, шедшем вниз по наклонной спирали.

— Мы спускаемся глубже, — заметил Антониато.

Ростов хотел ответить, но яркий свет ударил ему в глаза, и он поднял ладонь, чтобы заслониться.

— Взгляни, инквизитор, — раздался голос Сакви. — Узри истину.

Он открыл глаза, и без того не закрытые, и увидел огромную полосу света, уродующую небеса.

— Великий Разлом, — произнес Ростов.

Они безмятежно парили бок о бок в бархатном пространстве пустоты, и Галактика раскинулась у их ног.

— Это истина. Она поглотит всё. — Она чувствовала печаль, и он разделял её чувство. Боль, что он причинял её телу, здесь ничего не значила. Это место было далеко от мирских страданий

— Мы все умрем, и даже хуже. Я видела это. Дни человечества сочтены. Я смотрю на это годами. Всё, что можно сделать, пока мы здесь, — это жить. Всё, на что когда-либо был способен любой человек, — это жить. Это я и пытаюсь делать. — Её мыслеформа смотрела на его. — Так вот каков твой истинный дар, не так ли? Сопереживание.

— Это не дар. Сопереживание посредством боли не есть сопереживание.

Она смотрела на Разлом. За яркими останками разломанной реальности, где нематериальное встречалось с материальным, проглядывало сокрытое. Оно было по-своему прекрасно. Воспринимая это так же, как Сакви, Ростов, возможно, впервые понял, что варп не является злом сам по себе, но подобен отравленному океану. Нельзя обвинять океан в разрушениях, которые тот приносит.

Он осознал, что это было её восприятие. Не его.

— Искушение. Фальшь, — сказал Ростов. — Император да защитит меня от твоей лжи.

— Это не ложь. Хотя каждое разумное создание видит вселенную по-своему, есть неоспоримые истины. И это одна из них. — Её печаль чувствовалась потяжелевшей и тянула их вниз. — Я знала это всегда. Если ты хочешь найти зло в моей силе, тогда справедливо будет назвать это знание проклятием.

Ее разум казался сильным, но он колебался. Истязания плоти делали свое дело. Она умирала. Ростов сместил фокус внимания и вернулся обратно в провонявшую смертью комнату за миллион жизней прочь от места, где только что находился. Инквизитор встал с кресла и подошел к окровавленной ведьме, оттолкнув в сторону Антониато. Тяжелым, будто во сне, движением он поднял с подноса, забрызганного кровью, зонд.

— Ты убьешь меня, — сказала она в пустоте.

— Только когда узнаю то, что нужно.

— Я только хотела остаться в одиночестве. Почему это преступление?

— Это неприемлемый выбор. Либо ты служишь Терре, либо ты Его враг. — Разлом замерцал. На мгновение перед глазами Ростова промелькнула фигура на огромном троне, кричащая в беззвучной агонии и вечно пожираемая погребальным костром, разожжённым Его собственным разумом.

Инквизитор пошатнулся, отбрасывая образ прочь. Последняя попытка ведьмы сбежать оказалась неудачной. Она ослабла, и он крепко удерживал её в своем разуме, постепенно объединяясь с ней. Она увидела его целиком, и он почувствовал её сожаление из-за увиденного.

— Он безжалостный бог, — произнесла Сакви.

— В этой вселенной нигде нет жалости, — ответил инквизитор.

— Он не выживет. Твой учитель, Дир. Предупредишь его о ловушке — он попадет в другую. Я вижу сотни смертей, все в этом месте. Его время пришло.

— Знаю.

В мире плоти и крови он поднял последний зонд и глубоко вонзил в её внутренности, так что наконечник поцеловал ее сердце. Болевые импульсы, усиленные запрещенными механизмами, воспламенили её нервную систему. Последние преграды пали.

Их сознания объединились, и на мгновение они стали едины.

Ростов увидел всё, что она когда-либо пережила, и он не был деликатен. В поисках выхода из лабиринта он рвал её сознание на куски. Инквизитор нашёл выход спрятанным глубоко под астрологическими консультациями, которые её богатая покровительница считала безвредными, не подозревая о демонах, визжащих в ожидании их душ, пока они баловались запретными знаниями. Сакви знала достаточно, что скрыть воспоминания.

Ведьма тяжело вздохнула. Её душа начала угасать. Она наверняка направилась в отравленный океан варпа, где, в чем Ростов не сомневался, будет разорвана на куски, ибо Император не защитит её. Он решил спасти её от этой участи и удержать в своем сознании в то время, как её сущность распадалась на части. Она закричала, моля об освобождении, но он не поддался.

— Прости меня, — сказал Ростов.

— Не могу, — тяжело вздохнув, произнесла она — и исчезла.

Ростов прекратил стрельбу и почти выпрыгнул вперед, чтобы удостовериться в увиденном, прежде чем залёг под залпами лазерных выстрелов.

— Там выход, я видел его, — сообщил он.

Солдаты леди Эстрелл снова загнали их в угол. Ростов подозревал, что те знали, куда они направляются, и аристократка играла с ними. Как глупо. Он лично проследит за тем, чтобы она дорого заплатила за свое высокомерие.

— Где? — спросил Антониато.

— За ними, — ответил Ростов, указывая на солдат, удерживающих коридор.

Чилч прицеливалась и стреляла из тау-винтовки. Антониато бережно настраивал плазмоган на максимальную выходную мощность. Банча, припав на одно колено, поливала врагов огнем болтера. Она увидела жест инквизитора и кивнула.

Ещё один из них должен погибнуть. Такова кровавая цена успеха.

Банча поднялась. Она отшвырнула болтер и, выхватив меч, устремилась вперед. Раздался сдавленный боевой клич — единственный звук, который могло издать её искалеченное горло.

— За ней! — скомандовал инквизитор.

Нуль-дева была образцом изящества в буре насилия. Смертельный силуэт на фоне заполнивших коридор лазерных залпов. Её меч мелькал повсюду, и каждый взмах клинка нёс смерть. Она танцевала между колющими лезвиями и прикладами лазганов, которыми размахивали, как дубинами. За несколько секунд всё было кончено. Уцелевшие враги бежали и падали под снайперскими выстрелами Чилч.

Банча повернулась и посмотрела на них. Она сорвала воротник доспеха. То, что осталось от ее губ, расплылось в улыбке. Свет их фонарей освещал пар, поднимающийся от доспеха, который представлял собой дырявое месиво. Некоторые отверстия ещё тлели.

Она с грохотом упала на пол.

— Вот и Банча, — пробормотала Чилч, пока они пробежали мимо тела. — Прекрасно.

— Не отставай, — ответил Антониато.

Ростов, не снижая темпа, вёл остатки команды через многочисленные проходы. Они подошли к двери, которая, как он знал, будет закрыта.

— Мелту, — сказал он.

Антониато бросил ему миниатюрный тепловой заряд. Не такой мощный, как используют космические десантники во время боевых действий, но тем не менее достаточный, чтобы расплавить запорный механизм.

Пока металл двери плавился, они прикрыли глаза.

— Помоги, — сказал инквизитор.

Антониато и Ростов что-то ворчали, пока открывали дверь. Чилч настороженно смотрела назад. Им пришлось вновь прикрыть глаза, когда яркий дневной свет пробился сквозь открытую дверь. В помещение ворвался свежий ветер, и они увидели панораму облаков, проткнутую ржавым копьём ульевого шпиля.

— Снова тупик, — сказала Чилч.

— Нет, если у нас есть корабль, — возразил Ростов.

Он настроил передатчик, вмонтированный в кольцо на пальце, и передал сигнал транспорту.

Антониато мягко вытащил зонд из руки Ростова. Опустошённый инквизитор с поникшей головой стоял на одном колене перед телом ведьмы. В таком состоянии даже мягкого прикосновения хватило бы, чтобы сбить его с ног.

Он заметил, как Антониато что-то тихо произнес. Минутой позже в помещение вошел Дир.

— Леонид. Леонид, посмотри на меня.

Ростов повернул голову. Она была как булыжник. Волосы слиплись от крови. По мере того, как кровь высыхала, кожа натягивалась.

— Ты в порядке?

— Чувствую себя омерзительно и мне стыдно, — честно ответил Ростов.

Дир понимающе кивнул.

— Соединение с такой тёмной душой всегда приносит стыд. Ты отлично потрудился. Не печалься, но возрадуйся, что осуществил дело Императора.

Дир всегда произносил эти проповеди после того, как грязная работа была закончена. Ростов задумался: может, его неверно понимают? Он никогда не был до конца уверен. Стыд был не снаружи, но внутри. Он испытывал отвращение к тому, что сделал, и к тому, кем он был.

— Ты нашел вход и выход? — спросил Дир.

— Да. — Он так вымотался. Ему хотелось отмыться от крови ведьмы и уснуть.

— Тогда мы начнём разрабатывать план. Отлично, Леонид. С артефактом ксеносов у нас появится шанс остановить Крестовый поход Резни. Миллиарды будут спасены.

— Она не была злом, — ответил Ростов, глядя на изувеченное тело. Это он его искалечил. Он сделал это, пока она была еще жива. — Она только хотела выжить.

— Я понимаю, что твой дар сближает тебя с ними. Это твоя ноша, — произнес Дир. — Как всегда, я сожалею. Но я предупреждаю: отбрось эти чувства и настрой разум для служения Ему.

— Я многое увидел, — сказал Ростов, посмотрев наставнику в глаза.

Чувствуя неладное, Дир велел Антониато выйти.

— Я видел задание. Будут потери. И вы среди них.

Дир долго смотрел на него. Разум старого инквизитора закалили годы тренировок. Невозможно было догадаться, о чём он думает.

— Мы точно сможем завладеть артефактом?

— Да. Но ценой жизней — Фо-лу, вашей, Банчи и Физермента.

Снова возникла долгая пауза.

— Все люди умирают, Ростов, — тихо произнёс Дир. — Если мы не сделаем это, я буду жить, но как много погибнет? Хотя выбор есть всегда, и у каждого выбора свои последствия. — Дир посмотрел на труп Сакви. — Спроси её.

Старый инквизитор позвал Антониато.

— Помоги инквизитору Ростову привести себя в порядок, и сожгите тело в освященной печи. Сделайте все очень тщательно. Выполните все ритуалы. Позовите трёх священников, и пусть Банча присутствует. Влияние зла может сохраниться. Леонид, когда будешь готов, подумаем, как действовать дальше. Теперь отдыхай.

Дир вышел, оставив окровавленного и пристыженного Ростова наедине с собой.